

Oleg Proskurin

Неудавшийся бунт

*Российская империя и украинский автономизм
в зеркале непристойной сатиры XVIII века*

Текст и проблемы его истолкования

В рукописных сборниках 18 века иногда встречается стихотворение, способное и сейчас вызывать живой комический эффект, даже без наличия у читателя дополнительных фоновых знаний, эстетических и исторических:

Лишь в Глухове узнали
Ебливицын приход,
Вздрыча хуи бежали,
Чтоб встретить у ворот.

Магистер и старшие
За нужное почли,
Чтоб все хуи большие
Навстречу к ней пошли.

А маленьким хуёчкам
Приказ отдан такой:
Отнюдь бы из порточков
Не лазил никакой.

Лишь только появилась
Ебливица во град,
Пизды все взбунтовались,
Ударили в набат.

Одна пизда всех шире,

Фрейгольцова жена,
Кричит: «Где правда в мире?
Какие времена!»

Магистер пизды глотки
Велел хуям зажать,
Набить на них колодки,
В тюрьму их посадить.

Умолк тут шум ебливый,
Окончился и бунт,
Магистер, муж учтивый,
Сказал хуям: во фронт!

Он, свой хуй взявши в руки,
Спросил, отдавши честь:
«Сколько хуев от скуки
Прикажете отчесть?»

Ебливица сказала:
«Великий пост и грех,
С дороги ж я устала:
Довольно будет трех».

(Барков 1992, 230–231).

Как ни удивительно, в начале 1930-х гг. Г. А. Гуковскому удалось опубликовать это стихотворение в «Литературном наследстве» — хотя, по условиям времени, со значительными купюрами. Исследователь отыскал его в сборнике «Девическая игрушка» («т. е. в сборнике Барковских и псевдо-барковских произведений»), хранящемся в Пушкинском Доме и составленном сравнительно поздно, примерно в середине 19 века. В этом сборнике стихотворение имело название «Ебливица (сатира на русскую императрицу Анну Иоанновну)». Гуковский подверг идентификацию персонажа обоснованной критике: «Эта сатира несомненно написана вовсе не к приезду в Россию Анны Иоанновны по случаю «избрания» ее на императорский престол в 1730 г., как хочет представить дело название (может быть сформулированное вообще в XIX в.). Она написана правильным ямбом, невысказанным для стихотворения

начала 30-х годов, да и язык ее свидетельствует о том, что оно относится к концу XVIII в. <...> Имя Анны Иоанновны поставлено здесь, думается, для отвода глаз, на всякий случай, для возможного полицейского вмешательства» (Гуковский, Орлов 1933, 10). В свою очередь следователь предложил иную, еще более эффектную расшифровку образа главной героини:

Можно с уверенностью сказать, что на самом деле стихотворение имеет в виду «царствующую императрицу» Екатерину II и приурочено к ее путешествию в Новороссию и Крым в 1787 г. В самом деле, речь в нем идет о том, что в Глухове узнали о приезде распутной монархини и своеобразно готовятся к нему. Анна Иоанновна никак не могла проезжать на пути из Митава в Москву через Глухов, и вообще Глухов не имел отношения к ее приезду в Россию. Наоборот, Глухов был одним из старинных городов на том пути, по которому ехала Екатерина II в 1787 г. в Крым. <...> 22 января Екатерина, вместе со всей своей огромной свитой, приехала в Новгород-Северский, в полусотне верст от Глухова. Здесь, в Новгороде-Северском, ей представлялись местные нотабли <...> Нет сомнения в том, что и глуховские чиновники встречали Екатерину. 24 января царица выехала из Новгорода-Северского по направлению к Чернигову. Именно здесь, в окрестностях маршрута знаменитого путешествия, и возникло, по-видимому, стихотворение, попавшее в «Девическую игрушку». Автором его конечно не был Барков, умерший значительно раньше (в 1768 г.) (Гуковский, Орлов 1933, 10–11).

Эта атрибуция была принята историками литературы: так, В. Сажин в своих комментариях к изданию сочинений Баркова в серии «Библиотека поэта» попросту привел обширный фрагмент из статьи Гуковского в качестве пояснения к тексту (Барков 2004, 587–588).

Между тем, хотя сделанный Гуковским «отвод» кандидатуры Анны Иоанновны совершенно убедителен, предложенная им альтернативная расшифровка адресата сатиры уязви-

ма во многих отношениях. Такой расшифровке противоречат многие реалии стихотворения.

Справедливо отметив, что Глухов «не имел отношения» к приезду в Россию Анны Иоанновны, Гуковский указывает, что этот город лежал «на пути» Екатерины на юг. Но это не совсем так: Екатерина демонстративно проехала *мимо* Глухова, не удостоив его визитом; с утверждением нового административного устройства Малороссии бывшая гетманская резиденция и столица края превратилась в заурядный уездный город. Кроме того, в 1784 году Глухов по меньшей мере на три четверти выгорел в чудовищном пожаре (уничтожившем, в частности, все административные здания) и в 1787 году еще представлял собою пепелище... Так что глуховское дворянство могло представляться государыне разве что только в Новгороде-Северском. Почему же тогда *местом действия* сатиры выбран Глухов, в котором государыня не была и быть не намеревалась?..

Подобные же вопросы возникают не только в связи с местом, но и в связи со *временем действия*. Изображенные в сатире события недвусмысленно приурочены к великому посту. По этому поводу в примечаниях к публикации сам Гуковский вынужден был сделать оговорку: «Следует оговорить, что Екатерина проезжала так близко от Глухова не в самый великий пост <...> а за несколько дней до его начала» (Гуковский, Орлов 1933, 95). На самом же деле государыня проезжала «близко от Глухова» не за несколько дней, а *за две недели до начала великого поста*: пребывание ее в Новгороде-Северском ознаменовалось большим балом, состоявшимся 23 января; первая неделя в Киеве прошла в масленичных увеселениях. Говеть Екатерина начала только 8 февраля (см.: Храповицкий 1862, 21). Эти хронологические несообразности могли бы показаться не очень существенными, если бы на контрасте между великим постом и не совсем великопостным поведением героини не строился комический пуант стихотворения.

Сомнения, возникающие при внимательном чтении сатиры, только укрепляются после знакомства с данными текстологического характера. Гуковскому, опубликовавшему текст

по рукописи середины 19 века, остались неизвестны его более ранние списки. Между тем систематическое изучение «заветных тетрадей» 18 столетия, начавшееся в последнее десятилетие 20 века, позволило установить, что текст этого произведения содержится и в сборниках, составленных задолго до путешествия Екатерины в Новороссию и Крым¹: в частности, в знаменитом Казанском сборнике («вероятная датировка: 1760-е — начало 1770-х гг.») и в сборнике Российской национальной библиотеки (с пометой на титуле: «В С. Петербурге в 1777 году»); публикаторы обоснованно заключают: «Дата 1777 год, возможно, обозначает первичное оформление рукописи, переписка которой началась раньше» [Барков 1992, 369, 371]). Структура этих сборников и их палеографические особенности не дают оснований предполагать, что стихи о глуховском бунте были вписаны в них позже остальных текстов.

Перечисленные факты заставляют отвергнуть интерпретацию, предложенную Гуковским, и побуждают к поискам новых решений для вопросов, возникающих в связи с содержанием сатиры о «глуховском бунте».

Муж

В списке, опубликованном Гуковским, зачинщицей глуховского «бунта» выступает «безногого жена»; в списках, обнаруженных и опубликованных позднее, — «Фрейгольцова жена». С поисков Фрейгольца (может быть, безногого) уместнее всего и начать.

Как удалось установить, этот Фрейголец — вполне историческое лицо.

Как ни удивительно, базовым источником сведений о нем оказывается хорошо известный мемуарный документ — воспоминания Н. И. Греча, видного литератора, журналиста и ученого.

Мемуарист начинает рассказ о своих предках по материнской линии с изложения семейного предания о романти-

¹ В некоторых из них он помещен в разделе «Песни».

ческом браке прадеда. Этим прадедом был немецкий пастор Филипп Фрейгольд, который тайно обвенчался с генеральской дочерью и бежал с молодой женой от гнева ее родителей в далекую Москву:

Сын их, Яков Фрейгольд (родился в 1728 году, умер 16-го декабря 1786 года), был принят в Сухопутный Кадетский Корпус, получил там хорошее, по тогдашнему времени, образование и выпущен был в Елецкий пехотный полк. В корпусе подружился он с графом Петром Александровичем Румянцовым, и когда граф, по связям своим и происхождению (тайная история XVIII века гласит, и очень правдоподобно, что он был сын Петра Великого), вышел в чины, он вспомнил о корпусном своем товарище, вызвал его из армии и определил к себе адъютантом.

Фрейгольд служил с ним в Семилетнюю войну, но не до конца: в сражении при Цорндорфе (25/14 авг. 1758 года) он был ранен двумя пулями, одною в ногу, другою в голову, упал навзничь, ударился об пень и переломил себе крестец. Он остался жив, но страдал всю жизнь, особенно под конец: чрез тридцать лет еще вынимали у него косточки из черепа (Греч 1930, 55—56).

Выйдя в отставку в майорском чине и прожив несколько лет в Петербурге (где он снискал некоторую известность даже при дворе, прославился удачной игрой в карты и получил прозвище *хромого маиора*), Фрейгольд затем отправился в Малороссию за своим товарищем-покровителем, назначенным генерал-губернатором («главнокомандующим») Малороссии и одновременно председателем Малороссийской Коллегии:

Яков Филиппович Фрейгольд, покинув военную службу за ранами, оставался при фельдмаршале графе Румянцове, которого главная квартира до начатия турецкой войны (1769) была в Глухове; потом был определен начальником Скарбовой канцелярии (Казенной Палаты) в Глухове, и при учреждении наместничества переведен в Киев экономии директором. (Греч 1930, 60).

Сведения, сообщенные Гречем, на редкость точны. К ним можно пока добавить лишь небольшие дополнения и некоторые пояснения.

Впервые наш герой возникает из исторического небытия в списке раненых в сражении под Гросс-Егерсдорфом (1757): среди них упомянут и капитан Третьего гренадерского (гранодерского) пехотного полка Яков Фрейгольд² (Журнал о Военных действиях 1761, 36). В июне 1765 года он, уже в звании премьер-майора, присутствует при свите государыни на грандиозных маневрах в Красном Селе, устроенных Екатериной Второй (Любецкий 1872, 107). Это означает, что скорее всего он отправляется в Малороссию не одновременно с П. А. Румянцевым³ (тот прибыл в Глухов 8 апреля 1765 г. [Майков 1918, 531]), а несколько позже.

Судя по всему, Фрейгольд первое время не имел должности в малороссийском управленческом аппарате и состоял при Румянцеве адъютантом «для особых поручений», находясь — несмотря на хромоту и увечья — в постоянных разъездах. Так, 14 января 1766 г. матушка писала Румянцеву из Петербурга: «Фрейголта здесь еще нету, и я писала к нему» (Письма родителей 1900, 147). Когда, в соответствии с планами Екатерины, в Россию стали прибывать немецкие колонисты, то значительную часть их было решено направить на новоприобретенные земли Румянцева у Белой Вежи (близ Чернигова). Для переговоров с немцами, прибывшими летом 1766 года в Петербург, отправился наш «хромой майор»: «7 августа граф Румянцев сообщил в Канцелярию, что для дальнейших уговоров и заключения договоров с колонистами направлен был премьер-майор Фрейгольд» (Плеве 1998, 17).

² Таким образом, Фрейгольд во время Семилетней войны был ранен по крайней мере дважды: сравнительно легко — так, что смог вернуться в строй — в 1757 г., под Гросс-Егерсдорфом, и тяжело — в 1758, под Цорндорфом.

³ Греч неточен в одном: Румянцев был в ту пору не фельдмаршалом, а генерал-аншефом; в фельдмаршалы он будет произведен только в 1770 г., после победы в битве при Кагуле.

Отлучался он по делам Румянцева в столицы и впоследствии (см. ниже). С началом русско-турецкой войны по указу Военной коллегии от 18 декабря 1769 г. Яков Фрейгольц был зачислен на должность Генерал-гевальдигера (потом эта должность называлась «военный полицеймейстер») при Второй армии, в звании подполковника (см. роспись армии на 1770 г.: Румянцев 1953, 205). В 1773 году Яков Фрейгольт (sic) был назначен в Малороссийскую коллегию, где возглавил Канцелярию Малороссийского скарба (уже в звании полковника) (Месяцеслов на 1773, 186). После распространения губернской реформы на Малороссию (1781 г.), следствием чего стало упразднение Малороссийской коллегии и утрата Глуховым статуса административного центра, наш герой вслед за Румянцевым переехал в Киев, где продолжил службу с повышением в чине: 2 января 1782 года А. А. Безбородко сообщал из Петербурга Румянцеву о пожаловании Фрейгольда чином статского советника (Письма Безбородко 1900, 96). В Киеве он получил должность Экономии директора при Палате казенных дел, но — видимо, по состоянию здоровья — скоро вышел в отставку: последний раз имя его упоминается в Месяцеслове на 1783 г. (Месяцеслов на 1783, 434)

Отставка Фрейгольда вызвала острое словцо Екатерины Второй — настолько удачное, что оно, оторвавшись от личности «хромого майора», зажило самостоятельной жизнью, как анекдот (он и сейчас нередко пересказывается — без имени героя — в разных исторических и околоисторических сочинениях):

Фрейгольд имел место, которое в то время обогатило бы всякого, но, по необыкновенной честности, не нажил ничего и вышел из службы чист и беден. Его представили к пенсону. Государыня отвечала, что он конечно сберег что-нибудь из своих экстраординарных доходов. Ей доложили, что он формально ничего не имеет. «Или он дурак, — отвечала она, — или честнейший человек, и в обоих случаях имеет надобность в пособии», и подписала указ. Слух о его крайности дошел до Румянцова: он прислал бывшему своему товарищу значительную,

по тогдашнему времени, сумму с надписью: «Tribut der Freundschaft» (Дань дружбы) (*Греч 1930, 66*).

Таким образом, анализ доступных источников позволяет заключить, что дедушка Н. И. Греча Яков Филиппович Фрейгольд и есть то самое лицо, которое упоминается в нашей сатирической песне. Правда, в разных источниках он именуется по-разному: Греч называет своего дедушку *Фрейгольдом* (это наиболее точная транслитерация немецкого *Freigold*); «премьер-майор Фрейгольд» фигурирует в перечне присутствующих на маневрах 1765 г при Красном Селе; так же называет Якова Филипповича А. Безбородко в письме Румянцеву от 2 января 1782 г. Однако во всех Месяцесловах Яков Филиппович обозначен как *Фрейгольт* (видимо, немецкая фамилия была записана со слуха). В армейской документации он упоминается под именем *Фрейгольц* (видимо, ошибочное возведение к немецкому *Freiholtz*) — начиная со списка раненых под Гросс-Егерсдорфом и заканчивая росписью Второй армии на 1770 г. Так же именует его и сам Румянцев. Объясняется этот разницей тем, что в 18 веке русское написание немецких фамилий вообще отличалось крайней неустойчивостью и вариативностью. Однако не подлежит, конечно, никакому сомнению, что Фрейгольд, Фрейгольт и Фрейгольц — одно и то же лицо. И что именно этот человек — проживающий в Глухове и состоявший в «домашних» отношениях с Румянцевым — упоминается в интересующей нас сатире. Еще в Петербурге его называли хромым майором (хромота Фрейгольда была, надо думать, очень заметной) — видимо, кличка (или ее модификация) последовала за своим носителем и в Глухов. Поэтому можно уверенно утверждать, что «безногий» в списке, опубликованном Гуковским («безногого жена»), — не результат порчи текста, а его легитимный вариант: в языке 18 века «безногий» часто выступает как синоним «хромого».

Все, что мы знаем о биографии Якова Филипповича, заставляет нас окончательно отказаться от кандидатуры императрицы Екатерины на роль прибывшей в Глухов неутомимой путешественницы: в пору службы Фрейгольда в Глухове Ека-

терина в Малороссии не бывала. Но он не мог встретить ее даже и в Киеве; когда государыня отправилась наконец в новороссийское путешествие, Якова Филипповича Фрейгольда уже не было в живых: он скончался в конце 1786 года, за три недели до выезда кортежа Северной Минервы из Петербурга.

Жена

Меж тем в пору создания нашей сатиры Яков Филиппович Фрейгольд (Фрейгольц) еще жив и здоров. То, что «Фрейгольцова жена» именно *жена* живого мужа, важно для содержания нашего сочинения и для его восприятия предполагаемыми читателями.

В 1764 году, еще в Петербурге, Фрейгольц женился на Христиане Михайловне, урожденной Шне (имя при крещении — Christina Eleonora Schnee), дочери коменданта Кегскольмской крепости, обрусевшего немца. Почти всеми сведениями о ней мы обязаны Н. И. Гречу. Греч, недолголюбивший бабу⁴, дал ей чрезвычайно выразительную характеристику:

...Шне, Христина Михайловна (род. 7 апр. 1747 года) вышла по семнадцатому году за Якова Филипповича Фрейгольда, известного вам хромого майора. Она, как гласит предание, была необыкновенная красавица, что видно было по чертам лица ее и в старости <...> Вышедши замуж, в 1764 г., она, как и все змейки, сбросила с себя блестящую девичью шкурку и заставила своего мужа чувствовать всю тягость брака. Властолюбием, упрямством, прихотливостью, злостью она имела бедственное влияние на судьбу всех ее родных, и особенно детей. <...> Сверх этого несносного нрава, который делал ее бичем и страшилищем всех приближенных, были в ней и другие слабости, неприятные особенно мужу.

⁴Христина Михайловна дожила до 1811 г., так что мемуарист имел возможность уже взрослым человеком оценить ее склочный характер; по собственному признанию Греча, он позднее отразил «некоторые черты ее характера» в образе Алевтины Михайловны — героини нашумевшего романа «Черная женщина» (1834).

О них долго сохранялось предание и в прозе, и в стихах.
(Греч 1930, 58—60).

О том, какого рода «слабости, неприятные мужу» свойственны были Христине Михайловне, дает представление рассказ Греча об обстоятельствах рождения старшей из ее дочерей — матери мемуариста (всего в семействе Фрейгольда было шестеро детей; до совершеннолетия дожили трое):

Катерина Яковлевна Фрейгольд родилась за пять недель до рождения Наполеона Бонапарте, а именно 29 июня 1769 года, как я сказал, в Глухове. Рождение ее, по преданию, возвещено было пушечною пальбою, но о поводах к пальбе толки различествуют. Одни говорят, что палили по случаю тезоименитства наследника престола Павла Петровича. Другие утверждают, что пальба произведена была по приказанию фельдмаршала графа Румянцова, по случаю разрешения от бремени жены друга его, полковника Фрейгольда. Повод к этой клевете был очень понятный. Христина Михайловна была писаная красавица, а герой Задунайский славился победами не над одними пруссаками и турками. Живые тому доказательства остались в Умянцовых, Тет-Румянцевых и т. п., которые рождались в главной его квартире. Катерина Яковлевна, как продолжают злоязычники, ни мало не походила на Фрейгольдов: у них был фамильный, длинный нос, как отвислая губа у австрийской династии, а носик ее был небольшой, благообразный, нежный. Говорят даже, что она смахивала жестоко на покойного графа Сергея Петровича, сына фельдмаршала. (Греч 1930, 62).

Иронически называя слухи о пушечной пальбе по поводу рождения дочери «друга» *клеветою*, Греч тут же дает понять, что отцовство Румянцева — вовсе не клевета, а самая точная истина. Сначала — косвенно, рассказав о своей беседе с сыном фельдмаршала С. П. Румянцевым, состоявшейся в 1812 году («Я <...> упомянул, что дед мой, Фрейгольд, служил при его отце и пользовался его милостями. Граф улыбнулся, хотел

что-то сказать, но удержался. Очень видно было, что ему известно стало объявить внуку о *пруэсах* его почтенной бабушки»). А потом — уже совершенно прямо, подкрепляя слухи и физиогномическое наблюдения своего рода психоаналитическим толкованием отношения «почтенной бабушки» к своей старшей дочери:

Катерина Яковлевна о том не догадывалась и не знала вовсе до кончины отца и до своего замужества. Супруг ее, человек не самый деликатный, в частые периоды раз-молвки своей с тещею, не щадил старухи и говорил все, что знал о ней и чего не знал. Жена, изумленная, огор-ченная мыслию, что почтенный, добрый Фрейгольд не отец ей, сначала не верила, потом сердилась и плакала, но в зрелых годах и под конец жизни говорила, что, припоминая разные обстоятельства младенческих и де-вических лет, должна признаться в правдоподобии этих догадок. Замечательно, что мать не любила, можно ска-зать, ненавидела ее. Я замечал неоднократно, что жен-щины не терпят детей, которые напоминают им о ми-нувших слабостях, а любят уродов, прижитых с посты-лым, но законным мужем, и преследуют милых, лю-безных детей, плод страсти и преступления. (Греч 1930, 63).

Странная — на первый взгляд — солидаризация Греча с «клеветой» на бабушку интересна для характеристики не только индивидуальной, но и социальной психологии мемуа-риста. Гречу, потомку немцев-разночинцев, не раз пришлось испытать ущербность своего происхождения в русском со-словном обществе и немало от него пострадать. Присоединя-ясь к «клевете» на бабушку, он тем самым — задним чис-лом — резко улучшал свою родословную. Быть внуком знаме-нитого Румянцева (пусть и по побочной линии) — не в при-мер престижнее, чем быть внуком худородного «хромого май-ора», выходца из немецкой пасторской фамилии. Но этого мало! Несколькими страницами ранее Греч, характеризуя Ру-мянцева, сообщал, как бы вскользь, но почти как несомненную

истину: «тайная история XVIII века гласит, и очень правдоподобно, что он был сын Петра Великого». Таким образом, легкомысленное поведение Христины Михайловны превращало Греча из правнука худородного «немецкого пастора» ни больше ни меньше как в правнука... Петра Великого! Ради такого улучшения родословной по материнской линии пожертвовать честью нелюбимой бабки можно было, конечно, без зазрения совести.

Но для наших целей, строго говоря, совершенно не важно, был ли Румянцев подлинным отцом дочери Якова Фрейгольда или нет. Для нас намного важнее, что Христина Михайловна имела репутацию женщины вообще любвеобильной и притом находившейся в связи с Румянцевым. Если верить Гречу (а в данном случае не верить ему нет оснований), соответствующая репутация перешагнула границы семейного круга и пределы 18 века. Сообщая читателям-потомкам, что о «слабостях» жены Якова Фрейгольда «долго сохранялось предание и в прозе, и в стихах», Греч имел в виду какие-то известные ему сатирические рукописные сочинения. Сатира, посвященная «глуховскому бунту», — очевидно, одно из них.

Соперница

В этой сатире женский бунт, инициированный и возглавленный любвеобильной «Фрейгольцовой женой», вызван прибитием в Глухов соперницы, угрожающей сложившемуся порядку вещей. Если эта соперница — теперь мы можем утверждать это уверенно — не «царствующая императрица» Екатерина, то кто же она?.. Сразу скажем: ответить на этот вопрос с совершенной точностью мы пока не можем — можем только высказать некоторые более или менее правдоподобные предположения.

Петр Александрович Румянцев с юных лет и до конца жизни пользовался репутацией записного ловеласа и покорителя женских сердец. Характерны колоритные рассказы о либертинской молодости фельдмаршала в солидной биографии Ру-

мянцева, написанной Д. Бантышом-Каменским (Бантыш-Каменский 1840, I, 28). Однако привычки Румянцева мало изменились и в период его высшей славы. Уже в эпоху наполеоновских войн генерал Б. Ф. Кнорринг, воевавший под началом Румянцева при Ларге и Кагуле (1770), отвечал злопыхателям, обвинявшим фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова в сибаритстве («Он возит с собою переодетую в казацкое платье любовницу»): «Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело!» (Воейков 1868, 1857). Напомним и сообщение Греча: «герой Задунайский славился победами не над одними пруссаками и турками. Живые тому доказательства остались в Умянцовых, Тет-Румянцевых и т. п., которые рождались в главной его квартире».

Достоверность сообщения Греча подтверждает наиболее осведомленный биограф Румянцева: «К числу незаконных детей его, обыкновенно более или менее сомнительных, нельзя не причислить неких братьев *Умянцевых* или *Омянцевых*: Петра, Александра, Федора и Андрея, а также сестру их Анну-Людовику, которые все, даже и сестра, были возведены королем Польским Станиславом Понятовским, 4-го апреля 1772 года, в звание *баронов Польских*, вместе с их детьми, наследниками и законными потомками, „за особенную ревность в оказании услуг Нам (т. е. Станиславу Понятовскому) и Нашему Королевству“. Эти бароны Умянцовы получили немалую долю из обширных владений графа Румянцова в южных губерниях, — по преимуществу в Екатеринославской» (Майков 1918, 568).

Однако о многочисленных героинях румянцевских романов мы знаем гораздо меньше, чем о Христине Михайловне Фрейгольд. Они так и остаются для историка туманными образами без лиц. Между тем в стихотворении речь идет вовсе не об «одной из возлюбленных» Румянцева, а об особе, пользующейся его исключительным вниманием; в Глухове ей воздаются воистину царские почести (что и дало основания — сначала анонимному владельцу старинной рукописи, а потом и исследователям — увидеть в ней изображение одной из цариц).

Из безличного фона проступают, однако, силуэты двух женщин, занимавших в биографии Румянцева особое положение. Первую мы знаем по имени, по крайней мере — по фамилии. Это супруга итальянского уроженца, графа Якова Капуани, овдовевшая в 1794 году. Знакомый с семейством Капуани Франсиско де Миранда указывает, что «на сестре госпожи Капуани» был женат директор кадетского корпуса граф де Бальмен (Миранда 2001, 266). Женою Антона Богдановича де Бальмена была графиня Елена Антоновна Девиер (внучка первого полицеймейстера Петербурга Антона Девиера и Анны Даниловны Меньшиковой, сестры «полудержавного властелина»). О ее родных мы обладаем крайне скудной и противоречивой информацией; новейший генеалогический справочник называет среди детей Антона Антоновича Девиера графиню Наталью Антоновну, о которой — кроме ее имени — неизвестно ровным счетом ничего (Щербаченко и др. 2000, 58). Не исключено, что она-то и стала со временем графиней Капуани.

На этой графине престарелый Румянцев вдруг вздумал жениться в 1795 году, чем произвел фурор в столичном обществе и даже за границей. Граф просил разрешения на женитьбу у самой императрицы — через своего давнего знакомого Петра Пассека (ходатайствовавшего о том при посредстве последнего фаворита Платона Зубова и получившего от государыни всемиловитвейшее позволение)⁵. 30 июня 1795 г. П. В. Завадовский писал А. Р. Воронцову о Румянцеве: «Впрочем, мой друг, к своим странностям он прибавляет под конец жизни новую и преудивительную: он женится на вдове Капуаниевой, бабе за 50-т лет, которая была хороша тому уже больше 30-лет и которую он не видал многие годы. Что другие делают по свычке или пораженные взглядом, он в то ввернется по единому распаленному воображению» (Архив Воронцова 1877, XII, 155). Дело, однако, по неизвестным причинам затянулось. 20 августа 1795 Ф. В. Ростопчин писал в Лондон другому из

⁵ См. письмо П. Б. Пассека от 2 мая 1795 г. с сообщением о высочайшем позволении на брак и с просьбой о рекомендации «будущей вашего сиятельства графине» (*Письма Безбородко 1900*, 19—20).

братьев Воронцовых — посланнику Семену Романовичу: «Вы удивитесь, граф, услышав о женитьбе фельдмаршала на вдове Капуани. Бракосочетание должно было совершиться вчера, и это удивляет всех. Некоторые приписывают это старинной страсти, а другие неудовольствию на детей. Верно то, что он открылся только г-ну Пассеку, который испросил ему дозволение жениться и распорядиться имением» (Русский архив, 1876. Кн. 1. С. 212; пер. с французского подлинника). В конце концов брак так и не состоялся, хотя мысль о нем не оставляла Румянцева еще за несколько месяцев до кончины (см. письмо к нему Пассека от 15 июля 1796 г. [Письма Безбородко 1900, 22]).

Из писем Ростопчина и особенно Завадовского (несомненно, лично знавшего «вдову Капуаниеву» со времен службы при Румянцеве) следует, что начало этой любовной истории ведет в Малороссию 60-х годов⁶. Не была ли графиня Капуани той таинственной гостьей, которая своим прибытием в Глухов вызвала смятение и негодование «Фрейгольцовой жены»?..

Впрочем, в 60-е годы куда большее место в сердце Румянцева занимала, кажется, другая избранница. Мы не знаем

⁶ Неясно, Впрочем, была ли уже тогда «последняя любовь» Румянцева замужем за графом Яковом Капуани (скончавшимся в чине бригадира), который в 60-е годы служил при Румянцеве: в сентябре 1767 он состоял комиссаром по делам немецких колонистов, т.е. занимается примерно тем же, чем и Яков Фрейгольд (см. Ордер Полковой Прилуцкой канцелярии от 1 сентября 1767 г., в котором Капуани обозначен как комиссар, «живущий здесь по колонии» [Архив Канцелярии Румянцева 1865, 262]). В 1775—1794 г. Капуани был комендантом в крепости Григорьевская в Новороссии (Макидонов 2011, 93, 126), но с перерывами: так, в 1787 г. он состоял военным комендантом в Нежине (Ibid., 126). В этом году он был уже женат: в начале мая семейство Капуани на пути в Москву посетил Франсиско де Миранда. Он познакомился с мадам Капуани (показавшей ему сад с оранжереей) и отметил в дневнике удовольствие от встречи со старым другом, хотя и удивлялся, как при годовом жаловании в 600 руб. нежинский комендант мог держать семь великокопных лошадей и иметь не менее шести экипажей (Миранда 2001, 154). О близком знакомстве Капуани с Фрейгольдами писал Греч, рассказывая о матери: «нередко вспоминала она об итальянском графе Капуани, старичке забавнике и шуте, который учил ее музыке и итальянскому языку, и называл „mein Engel Amour!“» (Греч 1930, 67—68). Но эти воспоминания относятся уже к киевскому периоду.

даже ее имени, но знаем, что она внесла в семейную жизнь генерал-губернатора острый разлад и стала причиной глубокой семейной драмы. Еще во время Семилетней войны Румянцев не на шутку влюбился в таинственную прелестницу из Гданьска — настолько, что впоследствии перевез ее в свое лифляндское поместье Буртники (немецкий Burtneck, латвийское Burtnieki), которое навещал при всяком удобном случае. Жена Румянцева, Екатерина Михайловна, урожденная Голицына, знала о наличии счастливой соперницы и чрезвычайно страдала. Переживания ее запечатлелись в письмах мужу (ответные письма Румянцева, к сожалению, не сохранились). Еще 6 августа 1762 года, когда Румянцев сообщил из-за границы о намерении выйти в отставку и отправиться на воды, оставив жену в России вести хозяйственные дела, Екатерина Михайловна писала в ответ с отчаянием: «ты будешь ездить со своею любовницею да веселиться, а я здесь плакать да крушиться, да в долги входить» (Письма Румянцевой 1888, 7—8). 5 апреля 1764 года Румянцев уже прибыл из-за границы в Петербург, но в Москву не торопился: он сообщил жене, нетерпеливо ожидавшей его в первопрестольной, что ему необходимо съездить в Буртники по хозяйственным надобностям (повидаться с фабрикантами). Екатерина Михайловна отвечала: «Так я без обиняков, а прямо скажу, что разве бы я была скотина непонятная, чтобы приняла езду твою единственно для отправления фабрикантов, я знаю, что девка ваша со всею фамилиею и с матерью, с братьями свезена тут, так и довольно уже меня утверждает мысль мою, от кого знаю и то не скрою, люди ваши отудова приехавши, а именно калмык» (Письма Румянцевой 1888, 22—23). На ответное письмо графа, видимо возмущенного болтливостью «людей», супруга отвечала 24 апреля 1764 г., пытаясь защитить сгоряча выданного ею калмыка: «...а на калмыка понапрасну сердитесь, я без него знала это все, когда вы и во Гданске жили, что ее резиденция Буртники будет, давно определено оное, так теперь пишу и боюсь, что опять в проступок попаду, знаю, что все, что бы ни было, а коли об ней, так и беда...» (Письма Румянцевой 1888, 27).

Назначение Румянцева генерал-губернатором Малороссии слегка разрядило напряженную семейную атмосферу: Румянцев прибыл в Глухов вместе с женой и детьми (впрочем, большую часть времени он проводил в разъездах по Украине). Однако хрупкая семейная идиллия длилась недолго: в январе 1766 г. Румянцев «отправился ко двору в Санктпетербург, где и препроводил по Февраль следующего года» (Рубан 1777, 233—234). Почти год Екатерина Михайловна терпеливо ждала возвращения супруга и аккуратно слала в столицу подробные письма о глуховском житье-бытье. Но граф возвращаться не торопился. «Из Петербурга он проехал в Лифляндию, в свое имение Буртнек, где, по рассказам, пребывала близкая ему особа из Данцига...» (Майков 1918, 533; в тексте словаря «имение Буршневе» — несомненная ошибка наборщика). Только в конце декабря 1766 года Румянцев вызвал жену в Москву, куда съезжался двор в связи с предстоящим открытием Комиссии по составлению нового уложения. Но свидание супругов оказалось более чем кратким: Екатерина Михайловна выехала из Глухова 20 января 1767 года, а уже в начале февраля Румянцев, простившись с женой, спешно отправился в Малороссию — готовить вверенный ему край к выбору депутатов и подготовке наказов для Комиссии по составлению нового уложения. 17 февраля он был уже в Глухове.

Не была ли дорогой гостьей, посетившей Глухов в отсутствие супруги Румянцева (и к негодованию супруги Фрейгольца), та самая таинственная возлюбленная, поселенная в родовом замке «со всею фамилиею», к которой так влекло Румянцева и к которой он сохранял редкую для него привязанность?.. (Кстати сказать, хотя мы не можем с уверенностью утверждать, что *все* Умянцевы, произведенные королем Станиславом в польские бароны, были детьми Румянцева от одной матери, Анна-Людовика почти наверняка была его дочерью от данцигско-буртнекской немки).

Как бы то ни было (и кем бы ни была таинственная посетительница), события, отразившиеся в нашей не совсем пристойной сатире, вероятнее всего можно было бы отнести ко времени после отъезда Румянцевой в Москву и до отъезда

самого Румянцева на войну, а именно к великопостным неделям 1767, 1768 либо 1769 года. В августе 1769 года Румянцев отправился на главную квартиру Первой армии, которой был назначен командовать в начавшейся русско-турецкой войне. «С того времени, — торжественно сообщает В. Рубан, — Малороссия лишалась удовольствия видеть своего Начальника, по самое его возвращение к торжеству мира, в 1775 году в Москве и во всей России бывшему...» (Рубан 1777, 241). После празднования Куйчук-Кайнарджийского мира Румянцев вернулся в Малороссию только в феврале 1776 г. (по причине крайне расстроенного здоровья он поселился не в Глухове, а в своем имении Черешенки), но вскоре был вызван в Петербург для выполнения ответственной миссии — сопровождать наследника Павла Петровича в Берлин для ознакомления с невестой (будущей императрицей Марией Федоровной). В столицу он вернулся только в августе. «Затем, с разрешения Ее Величества, граф поехал на некоторое время в свой любимый Буртнек, где пробыл до осени...» (Майков 1918, 550). Когда Румянцев добрался наконец до Глухова, Христина Михайловна Фрейгольд находилась на середине беременности (младшая дочь Фрейгольцев родилась в апреле 1777 г.; у Греча, следовательно, были веские основания не считать свою тетушку дочерью Румянцева). По всему судя, отношения Румянцева и жены старого друга к тому времени утратили былую сердечность.

Однако у нас есть возможность значительно более точно датировать наше стихотворение, а вместе с тем — глубже понять его смысловую перспективу. Основанием для этого служат не столько обстоятельства личной жизни Румянцева, сколько его участие в политической жизни эпохи. В веселом стихотворении о бунте вагин в специфической форме отразились реальные (и совсем не веселые) события, потрясшие Малороссию в конце 1767 — начале 1768 года.

Имперская миссия Румянцева и «нежинский бунт»

Для прояснения контекста нам необходимо вернуться на несколько лет назад. В 1764 году усилиями Екатерины Второй на Украине было ликвидировано гетманство (Коллегия Иностранных дел, разбиравшая просьбу Кирилла Разумовского о «добровольном» увольнении, констатировала, что «по многим и важным политическим уважениям гетманское в Малой России правление <...> с интересом государственным весьма несходно»). 10 ноября Сенату был дан именной указ об учреждении вместо гетманского правления Малороссийской Коллегии под председательством графа П. А. Румянцева. В детальной секретной инструкции Румянцеву (дана в том же ноябре 1764 г.; в составлении ее принимал ближайшее участие Г. Н. Теплов) Екатерина специально остановилась на острой проблеме — «сокровенной ненависти тамошнего народа против здешнего». Императрица заключала:

И как та ненависть особливо примечается в старшинах тамошних, кои, опасаясь видеть когда-нибудь пределы беззаконному и корыстолюбивому их своевольству, более вперяют оную в простой народ, страдая его сперва нечувствительною, а со временем и совершенною утратою прав их и вольности, то нет сомнения, чтоб они, при настоящей правления их перемене, тем паче не усугубили тайно коварство свое, что пресечение прежних беспорядков и установление лучших учреждений не будет согласоваться с их прихотьями и собственною корыстию. В сем рассуждении не оставите вы наблюдать прилежно, но без явного виду и огласки поведение тамошних старшин, особливо же тех, кои хотя мало подозрительными себя окажут, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно сведано и предупреждено быть могло (СИРИО 1871, VII, 390).

Румянецев ревностно приступил к исполнению полученных предписаний. Особую остроту борьба с украинскими «старшими» приобрела накануне созыва Комиссии по состав-

лению нового уложения. 14 декабря 1766 года был издан высочайший манифест, излагавший основные цели и задачи Комиссии. На Румянцева была возложена миссия по разъяснению смысла манифеста в Малороссии, а также подготовка выборов депутатов и местных наказов для законодательной комиссии. Всю весну 1767 года граф провел в разъездах по малороссийским полкам и, где возможно, лично участвовал в собраниях шляхетства и горожан. Результатами увиденного он остался недоволен. Особенно беспокоило его то, что манифест не встретил поддержки у местного шляхетства, а у части пробудил надежду на возрождение старинных «вольностей», о чем граф и писал в донесении Екатерине от 2 марта 1767 года:

Новый проект Уложения не производит здесь во многих больших такого действия и признания вашего импер. в-ства благоволения, не перемещает наклонности их, ни рассуждение. Многие истинно вошли во вкус своевольства до того, что им всякий закон и указ государский кажется быть нарушением их прав и вольностей, отзывы же у всех одни: зачем бы нам там и быть? Наши законы весьма хороши, а буде депутатом быть, конечно, уже надобно, только разве б искать прав и привилегий подтверждения (Соловьев 1994, 37).

В ответном письме (от 17 апреля) Екатерина поощряла Румянцева к более решительным действиям:

Я надеюсь, что вы употребите такие меры, которые не познавающих собственной своей и общественной пользы степенями приведут наконец к познанию оной. Нет нужды, кажется, некоторое принуждение или усиленные увещания употреблять и в том, чтоб для избрания депутатов к сочинению проекта непременно все явились, и довольно, когда некоторое число, хотя малое, для выбору явятся, тем наипаче, что города, как вы пишете, уже публично признают некоторые введенные от вас порядки за полезные для них... (Соловьев 1994, 38).

Румянцев принял к сведению эти рекомендации и работал не за страх, а за совесть. Стремлениям шляхетства к «старинным вольностям» он стремился всячески противостоять, так что, например, в стратегически важном Чернигове ему удалось провести наказ, вполне соответствующий интересам центральной администрации. Однако на собрании шляхетства Нежинского и Батурицкого поветов дела приняли непредвиденный оборот⁷.

29 марта 1767 г. на выборы в Нежине собрались 72 человека, которые избрали депутатом в Комиссию земского судью Лаврентия Селецкого и делегировали пятерых человек для составления наказа. После чего нежинское шляхетство взяло перерыв на празднование Пасхи и вновь собралось 28 апреля. На новом собрании избранный депутат Селецкий вдруг повел себя совершенно неожиданно. Явившись в собрание в сопровождении двух лиц, не имеющих формального отношения к округу («за неимением ни в Нежинском ниже в Батурицком поветах никакого владения»), — бунчукового товарища Александра Безбородко (в марте 1767 г. будущему графу, князю и государственному канцлеру едва исполнилось 20 лет) и исправляющего должность секретаря Коллегии Петра Завадовского (будущего кабинет-секретаря и фаворита Екатерины, впоследствии — графа и министра народного просвещения), — он заявил, что отказывается вести обсуждающийся наказ в столицу и тут же, как сообщает позднейшая жалоба шляхетства, «отступя от должности своей депутатской и возложенной на него от общества доверенности, выняв из кармана некойсь заготовленный и неведомо кем без согласия, совета и знания всего общества сочиненный, новый наказ, во оном собрании предъявил»⁸ (Лазаревский 1893, 38). По всем призна-

⁷ «Нежинская история» исследовалась в ряде работ: Лазаревский 1893, 37—42; Мякотин 1897, 49—63; Максимович 1917, 159—208; суммарное изложение истории: Kohut 1988, 131—134. Некоторые важные дополнения обнаружены уже в 21 веке (Музичко 2010). С наибольшей документальной полнотой история изложена у Максимовича.

⁸ Здесь и далее в цитатах сохраняются особенности правописания украинских документов.

кам — в этом сходятся все исследователи вопроса — за Селецким стоял Румянцев. Безбородко и Завадовский, выступавшие в качестве эмиссаров Румянцева, словесно поддерживали позицию Селецкого и всячески побуждали присутствовавших принять его версию наказа. Однако депутата-рenegата поддерживали только шесть человек, против же оказалось подавляющее большинство — пятьдесят пять.

Из-за чего же разгорелся конфликт и в чем состояла суть расхождений между двумя версиями наказа? Почему Румянцев и его агенты так были заинтересованы в том, чтобы заметить первоначальную редакцию наказа новой? Причины достаточно ясны. Второй наказ, составленный Селецким и поддержанный Румянцевым и его эмиссарами, почти дословно совпадал с «идеальным» наказом черниговского шляхетства, составленным в духе, угодном имперскому центру. Наказ же, составленный пятью нежинскими делегатами, отличался от него принципиально. В частности, он содержал в себе требование, которого не рискнул выставить ни один из других малороссийских полков:

Всходство высочайших грамот предков Вашего И. В., даних гетману Богдану Хмельницкому и по нем бывшим гетманам и всему войску Запорожскому, також по прежним королевским привилегиям и давним обыкновениям, гетманским решительным статям, всеподданейше Вашего И. В. просим на прежних основаниях в Малую Россию повелеть волними голосами купно з войском Сечи Запорожской избрать гетмана, даби ми все-нижайше без гетмана, в отмену тех высочайших грамот, привилегеев и договорних пунктов, оставаться не могли... (Максимович 1917, 168).

Требование о выборе гетмана в Малоросии в соответствии с «привилегиями и договорными пунктами» коренным образом противоречило всей екатерининской централизаторской политике в отношении Украины. Противоречило оно и интересам Румянцева как проводника этой политики.

Между тем, нежинское шляхетство, возмущенное предательством своего депутата, 1 мая организовало второе избирательное собрание, на котором 55 присутствовавших участников избрали новым депутатом подкормия Батуриного повета Григория Долинского. На том же собрании они подписали «старый» наказ, составленный пятью делегатами. Подписанный наказ был послан Румянцеву. Но поскольку наказ противоречил интересам Петербурга, Румянцев немедленно объявил проведенные перевыборы депутата незаконными. В особом ордере он сообщал, что депутат Селецкий с момента своего избрания находится «под единственной Ея И. В-ва всемогущественнейшею протекциею» и никем не может быть лишен депутатского звания и что именно он повезет с собою в Москву наказ, подписанный теми, «кои от прежнего своего беспристрастного выбора не отступали» (Мякотин 1897, 56)

Румянцев предписал созвать в Нежине новое собрание 15 мая. Но шляхетство, уверенное в своей правоте, оказало президенту Малороссийской коллегии глухое, но твердое сопротивление: из 55 участников первомайских выборов на собрание явились всего 16 человек; остальные впоследствии мотивировали свое отсутствие разными ничтожными предложениями. Более того: даже явившиеся уклонились от подписывания наказа Селецкого, отговариваясь, в частности, тем, что текста наказа нет налицо (формально они были правы: наказ уже был отослан из Нежина в Глухов группой шестерых «центристки» настроенных избирателей).

Расправа

Поведение шляхетства было расценено Румянцевым как преступное неповиновение высшему начальству. Кассировав вторые выборы, 5 июня «он дал ордер Малороссийской Коллегии, сообщая, что им приказано Селецкого с его наказом отправить в Правительствующий Сенат, а все участвовавшие во втором выборе депутаты отрешены от земских и военных должностей, занимавшихся ими, причем „о поступлении

с ними по законам” представлено в Сенат же» (Мякотин 1897, 57).

Первоначально Правительствующий Сенат (как следует из протоколов заседания 13 июня 1767 г.) принял по делу о шляхетском своеволии сравнительно мягкое решение. Оно сводилось к следующему: если участники второго выбора не признают депутатом Селецкого, то они (а также их наследники) будут лишены активного и пассивного избирательного права «при подобных впредь выборах» и при всех «народных собраниях». Однако 12 июля Сенат вдруг переменял свое решение и, во всем поддержав действия Румянцева, постановил: участников избрания Долинского отослать — «воинских на воинской, а гражданских и не служащих на гражданской суд, которым велеть, над виновными заключа сентенции, подать в Малороссийскую Коллегию, а оной, рассмотря, с своим мнением представить Сенату» (Мякотин 1897, 57—58). «Что повлияло на эту перемену в решении Сената, неизвестно», — не без недоумения констатировал Максимович (Максимович 1917, 174). Однако сейчас о причинах перемены можно судить с большей определенностью, поскольку совсем недавно стали известны документы, проливающие свет на закулисную сторону сенатской резолюции: «предание суду виноватых в „бунте” и неповиновении Румянцову — взамен прежней более мягкой резолюции Сената по этому делу — было постановлено последним едва ли не по указанию Имп. Екатерины, в бумагах которой <...> встретился ее собственноручный список этой резолюции. (Арх. Мин. Юст., из Архива дел государственного Казначейства)» (Музичко 2010, 92). Иначе говоря, именно Екатерина была тайным инициатором превращения дела нежинцев в показательное.

В соответствии с сенатским указом, распоряжением Малороссийской Коллегии (определение от 24 июля 1767 г.) в Глухове начал срочно формироваться воинский суд. Однако он начал свою работу с большим запозданием, только в начале сентября. Эта задержка объяснялась тем, что многие определенные в суд лица уклонялись от участия в нем под разными предлогами, в основном отговариваясь нездоровьем

(например, назначенный ассессором Порохневский докладывал 20 августа: «горячка и лом в ногах, а потом и лихорадка в такую привели меня слабость, что и по избе пройтись почти не могу...»). Исследователь справедливо замечает, что ссылки на нездоровье были, как правило, только предлогом: по большей части за ними скрывались либо сочувствие к подсудимым, либо страх малороссийского общественного мнения, «которое, без сомнения, было на стороне подсудимых». (Максимович 1917, 176).

Перед военным судом предстали 36 человек, в том числе бунчуковый товарищ, полковой писарь, три есаула, двое хорунжих, семь сотников, ряд войсковых и значковых «товарищей» и еще несколько лиц разных чинов (полный список — Максимович 1917, 177—178). Обвинение основывалось на двух пунктах: 1) участие во вторых выборах (чем нарушался «Высочайше установленный обряд») и 2) неявка на собрание 15 мая либо уклонение от подписывания наказа Селецкому (в чем усматривалось «неповиновение высшему начальнику края»). Приговор военного суда, подписанный 2 ноября 1767 г., постановил: 16 человек, «кои его сиятельства повеления явно ослушными оказались» (т. е. бывших на собрании 15 мая при объявлении приказа генерал-губернатора о восстановлении депутатских полномочий Селецкого и приказа не исполнивших), «равно и тех, которые в согласии с ними против повеления его сиятельства упрямство учинить отважились», в количестве 17 человек, на основании Морского устава Пятой книги 9 арт. и Воинского устава 27 арт., «лишить живота». Таким образом, к смертной казни было приговорено подавляющее большинство обвиняемых, в общей сложности — 33 человека. Впредь до исполнения этого приговора, на основании Воинского Устава 50 гл. 3 пункта, обвиненных велено было арестовать и «заковать в железы». Трех обвиняемых (хотя и ослушавшихся, но не явившихся на второе собрание в Нежине по причинам, которые были признаны уважительными) было постановлено *всего лишь* лишить чинов и подвергнуть аресту без заковывания в кандалы. Коллегия «смягчила» приговор военного суда: к лишению живота было приговорены

только 20 человек, остальных было положено в силу ряда смягчающих обстоятельств «лишив чинов, написать в рядовые» (Максимович 1917, 184—185; ср. Мякотин 1897, 61—62)

Гражданскому Генеральному суду было предано 18 человек штатских, в том числе два подкормных, земский писарь, пятеро войсковых канцеляристов и коморник (кроме того, предводитель шляхетства майор Иван Тернавиот от суда был освобожден, но отрешен от должности «за неспособностью») (полный список — Максимович 1917, 186). Показательно, что именно в это время была проведена в жизнь уже давно намеченная реформа Генерального суда Малороссии, лишившая его даже подобия представительного характера и практически сделавшая его органом, полностью подконтрольным Малороссийской Коллегии и персонально генерал-губернатору⁹. Этим в значительной степени объясняется суровость судебного решения и в отношении гражданских лиц, связанных с нежинским делом.

Решение Генерального суда было вынесено 19 декабря 1767 года. Суд приговорил: одного (а именно земского писаря Филиппа Щигловского, которого Румянцев вообще считал инициатором «бунта») «казнить смертью, а вместо оной, за сылу высочайшей грамоты 766 году октября 19 дня, сослать в вечную ссылку». Из оставшихся четверо были приговорены к лишению чинов, а остальные 13 человек — к лишению чинов и вечной ссылке. Оконченное дело вместе с осужденными было передано в Малороссийскую Коллегию, которая в свою очередь постановила: «оних присланих з суда генерального, бывших при втором выборе депутата шляхетство и владельцев к содержанию их под караулом поручить тому же офицеру, который определен к караулу бывших под военным судом чиновников <...> Оних чиновников, кои приговорени к вечной зсылки, заковать в кандалы, котрых ему афицеру истребовать от суда генерального...» (Максимович 1917, 191).

⁹ «Сего года в Сентябре, Малороссийский Генеральный Суд восприял новый образ; вместо заседавших, с генеральными судьями выбираемых погодно от земства депутатов, учреждены непрременные члены, кроме перевенствующих вместе генеральных судей...» (Ригельман 1847, IV, 26).

Рассмотрев заключение генерального суда, Коллегия 26 января 1768 года постановила: десятерых приговорить к вечной ссылке, судьбу двух, приговоренных к тому же наказанию — за неполной выясненностью меры участия их в преступлении — передать на решение Сената; с присуждением же четверых к лишению чинов Коллегия согласилась.

Дело о мятежных нежинских избирателях Коллегия направила на окончательное решение в Сенат.

Тут подоспела масленица, за которой (4 февраля) наступил великий пост.

Вряд ли в 1768 году масленицу праздновали в Украине с особым весельем. И можно не сомневаться в том, что великий пост в десятках семейств встречали с сугубым унынием. Впечатление, произведенное на общество решениями суда и Малороссийской Коллегии, было исключительным. Ничего подобного Украина не знала с незапамятных времен. Несоразмерность «проступка» и наказания (арест, кандалы, приговор двадцати человек из шляхетного звания к «лишению живота», десятков — к лишению чинов, солдатчине и вечной ссылке) не могла не потрясти малороссийское общество. Потрясение должно было быть тем сильнее, что катастрофа разразилась в кульминационный период екатерининского «либерализма» — вскоре после выхода «Наказа» и как раз к открытию заседаний Комиссии для составления нового уложения.

Многое в состоявшемся судилище было поразительным. Так, основанием для придания суду послужило, во-первых, процессуальное нарушение (участие в избрании второго депутата вместо Селецкого) и, во-вторых, слушание приказания главнокомандующего. Между тем «высочайше установленный обряд» был нарушен самим Селецким (и стоявшим за ним Румянцевым); «слушание» же нежинцев представляло собою не что иное, как отказ ставить подпись под *незаконно* составленным документом. Более того: отправленная в Москву вторая версия нежинского наказа была первоначально подписана только шестью «коллаборационистами», и только много позже (после 27 мая) к ним были присоединены подписи еще десяти человек, из которых никто не участвовал ни в выборе де-

путата, ни в составлении наказа (Максимович 1917, 171). Иначе говоря, Румянцев со товарищи в данном случае не погнушался прямым подлогом.

Кроме того, незаконным было придание военных чинов не обыкновенному, а военному суду, по которому малороссы никогда не судились; сам проступок шляхетства, обличенного военными чинами, не имел отношения к нарушению воинской дисциплины; в своем прошении на высочайшее имя обвиненные справедливо отмечали, что «само сие дело по свойству своему не есть воинское, и к дисциплине военной не принадлежащее, но единственно для приведения в лучшее состояние гражданского учреждения <...> благоизобретенное» (Максимович 1917, 203). Наконец, неправомерным было и применение к подсудимым военного и морского уставов, а не Литовского статута, по которому тогда судился весь украинский народ...

Но процессуальные нарушения были, конечно, только поводом для наказания. Именно несоразмерность «преступления» и наказания свидетельствует о том, что настоящая причина заключалась в самом содержании нежинского наказа, в частности в требовании восстановить избрание гетмана. Власти необходимо было во что бы то ни стало устроить и навсегда парализовать всех, кто надеялся на реставрацию «старых вольностей», вплоть до восстановления независимости или по крайней мере автономии Украины. Процесс над нежинцами должен был стать в первую очередь *показательным* процессом. Поскольку же сам по себе наказ нежинского шляхетства не содержал в себе ничего противозаконного и формально не мог выступать как причина для преследования, Румянцев и подконтрольная ему Малороссийская Коллегия прибегнули к правовой манипуляции — поводом для исключительного по суровости наказания оказалось не содержание наказа, а нарушение «форм». Жестоко и коварно расправляясь с нежинцами, Румянцев действовал в полном соответствии с планами и намерениями «человеколюбивой» императрицы.

Два плана сатиры

Не подлежит сомнению, что наше стихотворение прямо связано с подавлением сепаратистского «бунта». Сквозь оболочку сатиры на местные нравы просвечивает актуальный политический контекст.

Судя по всему, сатира описывает события, случившиеся сразу после завершения «нежинского дела». Действие ее относится ко времени великого поста, то есть либо к февралю, либо к марту (Пасха в 1768 году пришла на 23 марта). Вероятно, и написана сатира была примерно в это же время: обыгрывание великопостных запретов за пределами великого поста утрачивало необходимую остроту.

Как мы помним, Екатерина Михайловна Румянцева с начала 1767 года находилась в Москве и терпеливо ждала приглашения в Глухов; в середине января 1768 г. в Москву по делам службы отправился и Яков Филиппович Фрейгольд. 21 января Екатерина Михайловна сообщает мужу: «Яков Филиппыч вчера приехал и стоит у меня в доме» (Письма Румянцевой 1888, 90). Румянцев, занятый завершением нежинского дела, долго не подает вестей. 15 февраля 1768 г. Екатерина Михайловна прямо спрашивает: «на все мои писания к тебе отповеди не имею и не знаю, что (с) собою делать, сбираться ли мне ехать прикажешь, здесь ли жить, ничего не ведаю». К этому времени нежинское дело закончилось — на встречу вопросу уже летело письмо из Глухова (Екатерина Михайловна отвечала 28 февраля: «Письмо твое через приезжего от 12-го получила, а кто он таков — не знаю»). Судя по ее сетованиям в том же, от 28 февраля, письме, ответ лишил ее всяких надежд: «...теперь такая перемена вдруг, чтобы я не ездила и всю надежду пресечь, всем меня предупреждаете и мучительною жизнью <...> Особливо это письмо доказывает уже все изъяснение ненависти противу меня; воля твоя, я и то молча на сердце снесу...» (Письма Румянцевой 1888, 91, 92, 93). Как можно понять из этого и следующего (от 5 марта) письма, Румянцев «приказал» супруге оставаться в Москве и о возвращении в Глухов больше не мечтать. Уже до конца жиз-

ни Екатерины Михайловны (умершей в 1779 г.) она так и не соединится с мужем под одной кровлей, да и видаться супруги будут крайне редко, несмотря на периодически предпринимаемые усилия Екатерины Михайловны восстановить хотя бы подобие семейного очага¹⁰.

В это самое время, по-видимому, и входит в особый фавор у Румянцева «Фрейгольцова жена», в свою очередь освободившаяся и от ревнивого надзора супруги главнокомандующего, и — по крайней мере, на несколько месяцев — от докучного присутствия в Глухове собственного мужа. Но Христине Михайловне, надо думать, недолго довелось играть роль главной фаворитки главнокомандующего: Румянцев решает вызвать в Глухов возлюбленную, давно близкую его сердцу... Откликом на состоявшееся (или, может быть, только ожидаемое) прибытие любимицы Румянцева скорее всего и стало знакомое нам сатирическое стихотворение.

Оно представляет особый интерес своей семантической двупланностью, тем, что за одним — сексуально-скабрёзным — планом скрывается другой — политический. Стихотворение не в меньшей степени рассказывает о нежинском бунте, чем о секс-скандале местного значения (кстати, сближению и наложению двух локусов способствовало то, что «подавлен» нежинский бунт был именно в Глухове, где проходили оба суда, где выносилось решение Коллегии и где содержались в узилище и в цепях подсудимые). Перед нами текст, в котором эротический материал использован во многом как оболочка для политической сатиры.

Вообще говоря, комическое использование сексуальных тем и мотивов для осмеяния и дискредитации властей — прием, широко распространенный в европейской (в частности, французской) сатирической поэзии 17—18 вв. Иногда главным мотивом, дискредитирующим властителя, оказывалась его сексуальная несостоятельность, ассоциирующаяся с поли-

¹⁰ Показательно письмо Румянцеву П. Завадовского из Петербурга, от 11 апреля 1776 г.: «Графиня Е. М... сокрушается до слез, получа от вашего сиятельства неприятное ей письмо, что вы отказали общежитие, которого она только искала pro forma» (Письма Завадовского 1901, 20).

тическим бессилием (ср. сатиры на Людовика XVI). Но иногда как негативное качество могло выступать и любвеобилие, особенно склонность к связям с дамами легкого поведения — в этом выделась неспособность властителя контролировать свои низменные страсти и, следовательно, неспособность осуществлять функции рационального правителя (ср. Crawford 2010, 233). Но в нашем случае текст построен сложнее и интереснее.

Эпизод из истории бурной любовной жизни и любовных отношений малороссийского генерал-губернатора *спроецирован* здесь на самые актуальные события общественно-политической жизни края — неудачную попытку малороссийского шляхетства отстоять былые права перед лицом верховной центральной власти. Мы не знаем в точности, вызвало ли известие о приезде старинной подруги Румянцева переполох среди его глуховских поклонниц и негодовала ли публично «Фрейгольцова жена» на коварство высокопоставленного возлюбленного. Но можно не сомневаться в том, что никого из любовниц Румянцева в тюрьму не сажали и ни на кого из них колодок не набивали. В стихотворении осуществлен перенос в эротическую сферу политических действий, совершенных генерал-губернатором по отношению к «взбунтовавшемуся» нежинскому шляхетству. В бурлескном мире комического текста «глуховский магистер» поступает с мятежными вагинами точно так, как в реальном мире поступил председатель Малороссийской Коллегии и главнокомандующий Румянцев с «взбунтовавшимися» нежинцами¹¹: зажал им глотки (Румян-

¹¹ Глуховский «магистер» (т. е. руководитель городского магистрата — органа городского самоуправления; в Малороссии он назывался войтом) — это, конечно, комически сниженный образ малороссийского генерал-губернатора. Но этот образ был наделен и дополнительной семантикой, понятной только посвященным, и только в определенный исторический момент. Дело в том, что в Левобережной Украине лишь двенадцать городов управлялись выборными магистратами по Магдебургскому праву; Глухов в их число не входил. Поэтому в канун созыва Комиссии по составлению нового уложения глуховские обыватели подали государыне петицию с просьбой утвердить в Глухове магистрат и тем самым оградить его от самоуправства местных начальников (Латкин 1887, 512—513). Глуховских обывателей под-

цев — дезавуировал нежинский наказ и аннулировал результаты выборов), набил колодки (Румянцев — заковал в цепи) и посадил в тюрьму (акт, полностью тождественный реальности). Иными словами, даже те детали комического рассказа, которые вне связи с историческим контекстом могли бы показаться не более чем забавными гиперболами, в проекции на второй — политический — план обнаруживают свою историческую достоверность и почти документальную точность. Надо думать, что острое ощущение присутствия этого второго плана придавало стихотворению в глазах читателей дополнительную остроту и способствовало его популярности.

Автор сатиры прекрасно знаком и с местной скандальной хроникой, и с глуховскими обывателями, и с «бунтом» нежинского шляхетства, и с обстоятельствами его подавления. Судя по всему, сам он не принадлежал к кругу пострадавших, непосредственно задетых акциями Румянцева: он смотрит на события как бы со стороны, не с позиции жертвы, а с позиции насмешливого наблюдателя. Он, бесспорно, иронизирует над бесцеремонно-деспотичным и незаконным стилем правления малороссийского генерал-губернатора, но далек от бичующего гнева. Авторская позиция и некоторые литературно-языковые особенности сатиры свидетельствует о том, что ее сочинитель по всей вероятности не украинец, а великоросс: в языке сатиры, лексически ярком и синтаксически гибком, нет никаких следов украинизмов (между тем как украинизмами насыщены и малороссийские наказания, и рапорты местных воинских чинов, и даже постановления судов и Малороссийской Коллегии). Он достаточно образованный человек, обладающий несомненным литературным даром и хорошо владеющий навыками версификации (хотя, по-видимому, не профессионал: в тексте есть несколько небрежно-неточных рифм, которые в ту пору считались «погрешностями»). Вероятнее всего автора стихов о глуховском бунте следует искать

держивал Румянцев, вообще делавший ставку на города как противовес «шляхетству». Этот исторический контекст отражен и комически преломлен в сатире.

среди российских дворян, гражданских или военных, связанных с Глуховым во второй половине 1760 годов¹².

Рассмотренные нами драматические события имели относительно благополучное завершение в обоих планах. Так, во всяком случае, должно было казаться самим их участникам.

Амурные дела Фрейгольцовой жены скоро поправились: Катерина Яковлевна Фрейгольд, которую Н. И. Греч, ее сын, считал дочерью Румянцева, родилась 29 июня 1769 года. Стало быть, по крайней мере к концу сентября 1768 г. благосклонность главнокомандующего была Христиной Михайловной возвращена.

В судьбе осужденных нежинцев тоже наметились улучшения. В конце июня 1768 года Сенат, рассмотрев дело о мятежных нежинских избирателях, смягчил вынесенные приговоры: во-первых, он уравнивал в отношении к наказаниям представителей воинских и гражданских чинов; во-вторых, постановил всех виновных «от тюремного заключения избавить, из-под караула освободить», часть их, отобрав чины, «впредь к исправлению публичных должностей <...> не употреблять»; часть же, оставя при чинах, к делам не определять (Максимович 1917, 195—196). Сенатское постановление, несравненно более легкое, чем решение малороссийских судов и Малороссийской Коллегии, обосновывалось духом времени и стремлением государыни ко всеобщему счастью: «чтоб в сие утверждающее всех благополучие начало не было никому причиною к каковому либо несчастию и в том преступившие возчувствовали ту же Ея И. В. щедрость с каковою для всего отечества все сие сочинение издано». 7 июля 1768 года Малороссийская Коллегия

¹² Письма к Румянцеву от матери, Марии Андреевны Румянцевой, со всей наглядностью свидетельствуют, что Глухов в 60-е годы был чем угодно, но не глухой провинцией. Она едва успевала снабжать рекомендациями молодых офицеров и чиновников, отправлявшихся из столиц в румянцевскую вотчину на ловлю счастья и чинов. См., например, ее письма от 20 сентября, 10 октября и 2 декабря 1765 г., от 12 июля и 27 ноября 1767 г., от 18 февраля и 20 мая 1768 г. (Письма родителей 1900, 144, 145, 149, 150—151, 152). Служба в Малороссийской Коллегии известных литераторов — Я. П. Козельского, И. Г. Туманского, Ф. О. Туманского — относится уже к позднему времени.

заслушала сенатское постановление и привела его в исполнение.

В октябре 1769 г. четверо осужденных, пораженных в правах (в том числе избранный депутатом на втором собрании Григорий Долинский), подали на высочайшее имя ходатайство о возвращении им чинов и должностей, причем просили они уже не правосудия, но милости («Не вниди в суд с рабами своими, а паче не приносящими никакого оправдания. Помилуй и прости, и возврати по милосердию своему те нам чины и должности, которых мы прежними нашими вернейшими заслугами к престолу В. И. В. достигли...») [Максимович 1917, 197]). Дальше разыгралась чувствительная комедия, сценарий которой был, несомненно, составлен самой Екатериной: «раскаявшиеся» нежинцы просят Румянцева о прощении и о ходатайстве за них перед государыней; с подобной же просьбой к Румянцеву обращается Никита Панин, намекая на то, что для завершения дела требуются его формальное согласие на прощение бывших мятежников и его же формальная просьба об их помиловании . 22 декабря 1769 г. Румянцев отвечает одновременно Екатерине и Панину. В письме государыне он пишет то, чего от него ждали («Природное человеколюбие Вашего Императорского Величества, которое сопрягается с происходящею справедливостью на повинных, что суд ваш больше исправляет их, чем наказывает, ободряет меня всеподданнейшую к стопам Вашего Императорского Величества принести прозбу с помянутыми просителями...»). Зато в письме Панину, начав с заверений в благорасположении к нежинцам («Даруемое им прощение свершит мое и прежде и теперь того им желание...»), он неприметно переходит к обличению зачинщиков «бунта» («возмнившие быть видящими, надувшись подлым упорством, повели за собою слепых и все впали в яму») и не может скрыть раздражения против ходатаев, обратившихся к государыне в обход его, Румянцева («разве мало времени, что я после их осуждения жил в Глухове?...») (Архив канцелярии Румянцева 1865, 240—242). 15 января 1770 г. Екатерине был подан «экстракт» из нежинского дела, на котором она собственноручно начертала

высочайшую резолюцию: «Бог простит». Сообразуясь с резолюцией, «Правительствующей Сенат приказали в Малороссийскую Коллегию послать указ и велеть ей оной всемиловейший указ помянутому шляхетству объявить и все отобранные у них чины и на оные патенты, универсалы и открытые ордеры им возвратить и по прежнему к должностям их определить, словом во всем их в прежнее состояние возстановить». 23 февраля 1770 г. Малороссийская Коллегия огласила сенатский указ находившимся в Глухове нежинцам и повелела сообщить о нем остальным. Впрочем, трое осчастливленных «не смогли уже воспользоваться монаршей милостью, так как за это время они умерли» (Мякотин 1897, 63; ср. Максимович 1917, 197—199).

Счастливая развязка была, конечно, полностью срежиссирована Екатериной. Главная функция «нежинского дела» была выполнена: малороссийское шляхетство было устрешено и предупреждено; публично поднимать вопрос о соблюдении «старинных прав» и тем более о восстановлении гетманства отныне не посмел бы никто¹³. Теперь настало время показать, что центральная власть умеет не только казнить, но и — в случае полного и искреннего раскаяния — миловать. Следо-

¹³ Одна из поздних попыток восстановления независимости Украины — тайные переговоры в апреле 1791 г. «советника Капниста» с канцлером Пруссии графом Герцбергом о поддержке Пруссией Украины, если та восстанет против российского ига (в случае возможной русско-прусской войны). Миссия эта не увенчалась успехом. Имя «советника Капниста» не было прямо названо в переписке Герцберга с прусским королем, что дало простор для разнообразных предположений. В российской, а затем советской историографии возобладало мнение, что участником тайных переговоров был Петр Капнист; У. Эджергон отдавал предпочтение другому Капнисту — Николаю. З. Когут считает, что в тайных переговорах участвовал известный поэт, автор оды «На рабство» и комедии «Ябеда», член державинско-львовского кружка В. В. Капнист (мнение, впервые высказанное М. Грушевским в 1896 г. и развитое впоследствии А. Оглоблиным). См. Kohut 1988, 264—266. Предположение А. Оглоблина, что украинские автономисты, готовя миссию Капниста, рассчитывали на поддержку Румянцева, к тому времени рассорившегося с Екатериной и, наоборот, сблизившегося с малороссийскими землевладельцами (см. Ohloblin 1958, 1317—1318, 1325), не кажется нам достаточно аргументированным.

вательно, только она является гарантом благополучия Малороссии и каждого ее обитателя. Таково было назначение милосердной акции, завершившей нежинское дело.

Проведенное исследование привело нас к нескольким выводам. Мы установили, что комическое стихотворение о «глуховском бунте» написано не в 1787, а вероятнее всего поздней зимой — ранней весной (в феврале — марте) 1768 года. Соответственно, оно не имеет никакого отношения к крымскому путешествию Екатерины Второй. Упомянутые в нем лица и события (в значительной части — исторические) относятся к более раннему периоду истории Украины, когда гетманство уже было ликвидировано, но административный центр Малороссии еще находился в Глухове, а во главе администрации стоял П. А. Румянцев — верный проводник централистского курса Петербурга.

Г. А. Гуковский сопроводил свою публикацию сатиры сентенцией: «„Политики“ в этих стихах нет, но есть достаточно определенное отношение к монархии» (Гуковский, Орлов 1933, 12). Наше исследование позволяет переформулировать этот вывод: монархия в стихах прямо не затрагивается, зато «политика» в них присутствует в высокой мере. В комический рассказ о глуховском «сексуальном скандале» имплицированы острые злободневные намеки на подавление сепаратистского выступления украинского шляхетства в канун и во время созыва Комиссии по составлению нового уложения. Сатира, несмотря на отсутствие среди ее персонажей Екатерины Второй, оказывается политически куда более острой, чем это представлялось исследователю. Ее объект — не сексуальные аппетиты русской императрицы, а геополитические аппетиты Российской империи.

Библиография

Архив Воронцова 1877 — Архив князя Воронцова. Книга 12. М.: Тип. Лебедева, 1877.

Архив канцелярии Румянцева 1865 — Архив военно-походной канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского. Часть I: 1767—1769 / Сообщил М. О. Судяченко. — ЧОИДР. Кн. 1. Материалы отечественные. М.: В Университетской тип., 1865

Барков 1992 — *Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова*. Издание подготовили А. Зорин и Н. Сапов. — М.: Ладомир, 1992.

Барков 2004 — *Барков И. С. Полное собрание стихотворений*. Вступ. статья, сост., подготовка текста и примечания Валерия Сажина. — СПб.: Академический проект, 2004.

Бантыш-Каменский 1840 — *Бантыш-Каменский Д.* Биографии Российских Генералиссимусов и Генерал-Фельдмаршалов. Ч. 1—2. СПб.: В тип. Третьего департамента Мин-ва государственных имуществ, 1840.

Воейков 1868 — <*Воейков А. Ф.*> Генерал граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен // *Русский архив*, 1868. Т. 6. Стб. 1837—1860.

Греч 1930 — *Греч Н. И.* Записки о моей жизни / Текст по рукописи под ред. и с комментариями Иванова-Разумника и Д. Пинеса. М.; Л.: Academia, 1930.

Гуковский, Орлов 1933 — Подпольная поэзия 1770—1800-х годов / Публикация Г. Гуковского и В. Орлова // *Литературное наследство*. Т. 9/10 — М.: Жур.-газ. объединение, 1933. — С. 5—98.

Журнал о Военных действиях 1761 — Журнал о Военных действиях Российской Императорской Армии, собран из Санктпетербургских ведомостей. Часть 1. 1757 и 1758 год. В СПб: При Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе, 1761.

Лазаревский 1893 — *Лазаревский Ал.* Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 2. Полк Нежинский. Киев: Тип. К. Н. Милевского, 1893.

Латкин 1887 — *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст.: Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1887

Любецкий 1872 — *Любецкий С. М.* Старина Москвы и русского народа: в историческом отношении с бытовою жизнью русских. М.: Тип. Н. Ф. Савича, 1872.

Майков 1918 — *Майков П.* Румянцов, граф Петр Александрович // *Русский биографический словарь*. Издаваемый Русским Историческим Обществом. Т. XVII. Романова—Рясовский. — Пг.: Тип. Акц. О-ва «Кадима», 1918. С. 521—573.

Макидонов 2011 — *Макидонов А. В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. — Запорожье: Про-світа, 2011.

Максимович 1917 — *Максимович Г. А.* Выборы и указы в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. — Ч. 1: Выборы и составление наказов. — Нежин: Типо-лит. «Печатник», 1917.

Месяцеслов на 1773 — Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1773. — С.-Петербург: При Императорской академии наук, 1773.

Месяцеслов на 1784 — Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1783. — С.-Петербург: При Императорской академии наук, 1783.

Миранда 2001 — *Миранда, Франсиско де.* Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. — М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001.

Музичко 2010 — *Музичко Олександр.* Маловідомий українськознавчий рукопис А. В. Флоровського: *уведення до історіографічного контексту // Чорноморська минувшина. Записки відділу історії козацтва на Півдні України Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України: Збірка наукових праць.* — Вип. 5. — Одеса: СПД Бровкін О. В., 2010. С. 77—97.

Мякотин 1897 — *Мякотин В. А.* Рецензия на книгу А. М. Лазаревского «Описание старой Малороссии, т. II, Полк Нежинский» // Записки Императорской Академии Наук, Ист.-филологическое отделение. 1897, Т. II, № 1. (Отчет о тридцать седьмом присуждении наград графа Уварова). С. 25—150.

Письма Безбородко 1900 — Письма А. А. Безбородка к графу П. А. Румянцову. 1775—1793. Изданы с предисловием и примечаниями П. М. Майкова. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. (отд. оттиск из «Старины и новизны»).

Письма Завадовского 1901 — Письма графа П. В. Завадовского к фельдмаршалу графу П. А. Румянцову 1775-1791 годов. С предисловием и примечаниями П. М. Майкова. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1901.

Письма родителей 1900 — Письма к графу Петру Александровичу Румянцову от его родителей. 1745—1768. С предисловием и примечаниями А. П. Барсукова // Старина и новизна. 1900. Кн. 3. Отд. II. С. 125—159.

Письма Румянцевой 1888 — Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому. 1762—1779 г. / Издал граф Д. А. Толстой. — СПб.: Тип. И. П. Скороходова, 1888.

Плеве 1998 — *Плеве И. Р.* Прием иностранных колонистов в России и отправка к месту поселения в 60-х годах XVIII в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Мате-

риалы международной научной конференции. Анапа, 26—30 сентября 1997. — М.: Готика, 1998. С. 13—26.

Ригельман 1847 — Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще <...> Собрано и составлено чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1785—86 года Ч. 4. М.: В Университетской типографии, 1847.

Рубан 1777 — Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год с изъявлением настоящего образа тамошнего правления <...> Издана Василием Григорьевичем Рубаном. СПб: Печатано при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном Кадетском Корпусе у содержателя типографии Х. Ф. Клена, 1777.

Румянцев 1953 — П. А. Румянцев. Т. 2. 1768—1775 / Под ред. полковника П. Ф. Фортунатова. М.: Военное изд-во министерства обороны, 1953.

СИРИО 1871, VII — Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 7: Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных Дел. 1744—1764 г. Часть 1 / Собраны и изданы, с Высочайшаго соизволения, по предначертанию Его Императорскаго Величества Государя Наследника Цесаревича, академиком <П. П.> Пекарским. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1871.

Соловьев 1994 — Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV: История России с древнейших времен. Т. 27—28. М.: Мысль, 1994.

Храповицкий 1862 — Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины Второй. Изд. полное, с примеч. Г. Н. Геннади. — М.: В Университетской типографии, 1862.

Щербаченко и др. 2000 — Щербаченко В. И., Бредихин В. Н., Филиппов С. В. Род Меншиковых в истории России. СПб.: Историческая иллюстрация, 2000.

Crawford 2010 — *Crawford, Katherine*. The Sexual Culture of the French Renaissance. Cambridge; New York, etc.: Cambridge University Press, 2010.

Kohut 1988 — *Kohut, Zenon*. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy: Imperial Absorption of the Hetmanate, 1760s—1830s. — Cambridge, MA: Distributed by Harvard University Press for the Harvard Ukrainian Research Institute, 1988.

Ohloblyn — *Ohloblyn, Oleksander*. Ukrainian Autonomists of the 1780s and 1790s and the Count P. A. Rumiantsev-Zadunaysky // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S., 1958. Vol. 6, №. 3—4. P. 1313—1326.